

Стилистические проблемы и языковые барьеры составления обвинительного заключения

Гумеров Т.А.

Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского государственного университета

Статья посвящена проблемам использования языка, как оружия против преступности. Языка, на котором ведется расследование, составляются процессуальные документы, в частности обвинительное заключение, выносятся приговоры суда. Зачастую читая обвинительное заключение, мы не задумываемся о правильности его написания с точки зрения стилистики. А в связи с тем, что мы проживаем на территории многонационального государства, в статье делается акцент на проблемах перевода обвинительного заключения на язык понятный обвиняемому.

Окончание предварительного расследования является заключительным этапом досудебного производства и представляет собой комплекс процессуальных действий, связанных с завершающим анализом и оформлением результатов расследования, обеспечением прав участников уголовного судопроизводства и принятием следователем, дознавателем итоговых решений по уголовному делу. Предварительное расследование оканчивается составлением обвинительного заключения (обвинительного акта), либо постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, либо постановления о прекращении уголовного дела [1]. Изучая такой важный процессуальный акт как обвинительное заключение, нельзя обойти стороной момент обвинительного заключения.

Итак, разберем стилистические проблемы, возникающие при составлении обвинительного заключения. Многие могут усомниться: так ли уж необходимо следователю знать, какими должны быть язык и стиль обвинительного заключения? Надо ли ему заботиться о собственном языковом чутье, не роскошь ли это при его большой профессиональной загруженности?

Мнение, согласно которому знать тонкости языка должны писатели и лингвисты, а остальные могут говорить и писать как им вздумается, глубоко ошибочно. Основа каждой отрасли знания, каждой сферы деятельности – мышление и общение. А единственное средство выражения мыслей, средство общения – язык. Знание стилистической системы языка, умение в каждой ситуации пользоваться его наиболее подходящими выразительными средствами – необходимое условие культурной, грамотной речи, ведем ли мы частную беседу или пишем специальную статью, выступаем ли на конференции или составляем обвинительное заключение. Не мириться с ошибками и общими местами в речи – это, значит, не мириться с неточностью мысли. Деятельность же следователя, как и многие другие виды деятельности, требует четкости мышления и обоснованности логических выводов.

К сожалению, в методических пособиях, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы составления обвинительных заключений, уделяется мало внимания вопросам стиля, языка и логики этого документа. Видимо, это объясняется тем, что подобные пособия состав-

ляются только юристами, и тем, что к работе над ними не привлекались филологи – специалисты в области деловой документации.

Тексты юридических документов обладают определенными языковыми и стилистическими особенностями. Опытные работники суда и прокуратуры, адвокаты хорошо представляют себе, «что можно и чего нельзя» в юридическом тексте: как строить предложения, какие слова следует употреблять, а какие неуместны. Однако в значительной степени выбор является интуитивным.

С помощью слов мы выражаем наши мысли, чувства – радость, боль, гнев, отчаяние; только словами мы можем сообщить о каком-либо факте, об эмоциональном восприятии этого факта, дать его научную интерпретацию. В том или ином случае и набор слов, и их комбинации при употреблении будут различными. Это стилистические различия. Они обусловлены не тем, что говорится, а тем, для чего и в какой ситуации ведется речь. Так, об обстоятельствах одного и того же преступления могут рассказывать: преступник – своим друзьям, он же – на следствии; обвинитель – своим коллегам, он же – в зале суда. При единстве темы сообщения речь говорящих во всех случаях будет различаться стилистически: в разговорах с «друзьями» преступник употребляет жаргонные слова – «феню», его синтаксис более свободен, чем в том случае, когда ему приходится отвечать на вопросы следователя (в последнем случае преступник и слова будет выбирать иные); обсуждая раскрытое преступление с сослуживцами, следователь вовсе не обязан воспроизводить формулировки написанного им же обвинительного заключения.

Для того, чтобы в зависимости от цели высказывания выбрать нужное слово или оборот, необходимо, чтобы в самом языке имелись стилистические различные слова и обороты. Языковеды делят их на нейтральные, книжные и разговорные. Нейтральные слова и обороты – основа стилистических противопоставлений; в сравнении с ними становится очевидной книжная и разговорная окраска других, близких им по смыслу элементов речи. Например: *украл – похитил – стащил; ударил – нанес удар – стукнул – треснул – саданул; обманул*

– ввел в заблуждение – облапошил; признался во всем – дал исчерпывающие показания – раскололся и т.п.

Комбинации нейтральных, книжных и разговорных языковых средств образуют функциональные стили: научный, официально-деловой, публицистический, обиходно-бытовой и др. Пропорции этих средств в функциональных стилях различны. В научной статье, например, преобладает книжная и нейтральная лексика, в публицистическом очерке – книжная и разговорная.

Государственные акты, законы, постановления, приказы, инструкции, уставы пишутся официально-деловым стилем. Этим же стилем должны писаться юридические документы, такие как обвинительное заключение, протокол допроса, приговор и др.

В современных условиях функции делового стиля усложняются, он обслуживает все более широкие общественные потребности, а поэтому средства его непрерывно дифференцируются, изменяются и количественно, и качественно. Им пользуются все более широкие слои говорящих – от секретаря и управдома до следователя и министра. Успешное делопроизводство, оперативное и безошибочное решение сложного комплекса хозяйственных, правовых и многих других вопросов невозможно без основательного знания стилистических норм деловой речи и правильного их применения. Такие требования жизнь предъявляет к следователям. Как и в других видах человеческой деятельности, в деятельности следователя существенную роль играет не только специальные знания, профессиональный навык и чутье, не только четкость логического мышления, но и умение ясно излагать свои мысли, описывать результаты, к которым он приходит в процессе расследования преступлений.

Правильное употребление слов при составлении обвинительного заключения. Как и всякий текст, обвинительное заключение подчиняется определенным правилам в выборе слов, их употреблении, сочетании между собой, в конструировании предложений. Во-первых, правилам, русского литературного языка и, во-вторых, правилам, специфичным для официально-делового стиля.

Важнейшим условием правильности речи является употребление слов в соответствии с присущими им в литературном языке значениями. Второе условие – употребление слов в зависимости от их стилистических особенностей и особенностей контекста.

Лексика, используемая в обвинительном заключении, в подавляющем большинстве случаев стилистически однотипна: это слова книжные и нейтральные. Однако это не значит, что в тексте обвинительного заключения нельзя использовать стилистические и смысловые синонимы.

В практике составления обвинительного заключения следователь по необходимости ограничен рамками официально-делового стиля, поэтому в большинстве случаев выбор одного слова из нескольких означает выбор такого слова, которое по смыслу подходит в данном случае лучше, чем все другие. Иногда неправильный выбор слова приводит к неточному выражению мысли или к грамматической ошибке.

Приведу в пример одно обвинительное заключение, в котором речь шла о подсудимом, который, занимаясь преступной деятельностью, знакомился с различными людьми, входил к ним в доверие и тем или иным способом вымогал у них деньги. Некоторые из таких встреч были тайными. Вот как об этом говорилось в обвинительном заключении: «В ночь с 30 сентября по 1 октября Петров, как обычно, конспиративно встретился с Потаповой в её каюте». И еще: «О знакомстве с Потаповой и конспиративных встречах с ней Петров сообщил...» [2]. Уместны ли здесь слова «конспиративно», «конспиративных»? Правильно ли они выбраны? Такие слова обычно применяют обычно по отношению к деятельности подпольных политических организаций, в русской языковой традиции они связываются с действиями революционеров, подпольщиков, разведчиков. Употребление их для обозначения тайных встреч преступника с женщиной вряд ли оправданно – здесь более правильны были бы слова «тайно», «тайные».

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что составить обвинительное заключение по силам лишь человеку, который умеет правильно, а, самое главное, грамотно пользоваться своим русским языком. Хотя...

только ли русским? Россия – многонациональная страна. Следовательно, и преступники в России представляют разные нации. Представим себе ситуацию когда перед следователем одной национальности сидит преступник другой национальности. Возникает проблема выбора языка. На каком языке вести допрос, очную ставку и, в конце концов, на каком языке предстоит знакомить обвиняемого с обвинительным заключением? И тут нам на помощь приходит ст.10 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ст. 18 УПК РФ.

Что же означает принцип национального языка судопроизводства? Обратимся к Конституции Российской Федерации которая имеет верховенство на всей территории Российской Федерации. Ст. 26 Конституции РФ гарантирует право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Ст. 34 Конституции Республики Татарстан также подтверждает это право.

М.А. Джафаркулиев, проводивший свои исследования в 80-е годы, т.е. в период действия союзного и республиканского уголовно-процессуального законодательства, под принципом национального языка судопроизводства понимает «закрепленное на конституционном уровне и в процессуальном законе общее руководящее положение, определяющее ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики, или автономной области, округа, или большинства местного населения в сочетании. С обеспечением участникам процесса права делать заявления, давать показания, выступать на суде и заявлять ходатайства на родном языке, создающем условия лицам, не владеющим языком судопроизводства, для полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также вручением следственных и судебных документов в переводе на родной язык лица или на другой язык, которым оно владеет» [3, с. 38]. Это определение в целом продолжает оставаться верным и по сей день, даже с учетом происшедших изменений в системе законодательства, отмене союзного уголовно-процессуального законодательства. Нам видится, что приоритет должен быть сделан только на российское законодательство. Это вызывает некоторые из-

менения в предложенном понимании принципа национального языка судопроизводства. В частности, анализ статьи 18 УПК РФ позволяет выделить следующие составные элементы, характеризующие его:

а) осуществление судопроизводства на русском языке или на государственном языке входящих в Российскую Федерацию республик;

б) обеспечение участвующих в деле лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, правом делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства, знакомиться со всеми материалами дела, выступать на суде, на родном языке;

в) обеспечение для лиц, не владеющих языком судопроизводства, возможности пользоваться услугами переводчика;

г) вручение следственных и судебных документов обвиняемому в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет [4].

Совершенно очевидно, что несоблюдение хотя бы одного из вышеперечисленных элементов является нарушением этого принципа и должно повлечь отмену соответствующих решений, принятых по делу.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. в ст. 10 предусматривает, что судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации, других арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке – государственном языке Российской Федерации. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика.

Здесь встает проблема выбора языка. Как относиться следователю, прокурору, суду к тому, что участник процесса, в частности, обвиняемый, требует определенного языка? Выбор языка, на котором обвиняемый, не владеющий языком судопроизводства, будет получать копию обвинительного заключения, является его правом, и ограничение в таком выборе по

мотивам, что перевод на другой язык «проще», а лицо, по мнению дознавателя, следователя и суда, владеет хорошо и другим языком, также недопустимо [4, с. 50]. На наш взгляд, еще в процессе следствия необходимо выяснить и закрепить в материалах уголовного дела волеизъявление обвиняемого, каким языком он владеет в достаточной степени, если владеет несколькими языками, он вправе ставить вопрос о переводе на тот язык, употребление которого для него наиболее привычно.

Обеспечение участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, права делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства, знакомиться со всеми материалами дела, выступать в суде на родном языке относится и к лицам, понимающим лишь знаки глухонемых. Если глухонемой умеет писать, то для получения более точных и наиболее полных показаний его следует допросить с помощью письма. В этом случае устраняется опосредующее звено – переводчик.

Что же касается переводчика, то, обратившись к ст. 5 УПК РФ, мы видим, что в статье отсутствует значение слова «Переводчик». В толковом словаре смысл слова «переводчик» определяется как специалист по переводам с одного языка на другой [5, с. 501]. В электронном словаре имеется такое понятие как «Переводчик судебный» – в Российской Федерации участник судебного процесса, свободно владеющий языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, на котором один из участников процесса дает показания. Участие переводчика судебного в судебном процессе обязательно, когда кто-либо из участвующих в деле лиц не владеет языком, на котором ведется судопроизводство [6].

Перевод – это единственное средство, с помощью которого лицо, производящее дознание, следователь, судьи, другие участники процесса получают возможность непосредственно допросить лиц, не владеющих языком судопроизводства, выслушать и понять их заявления, ходатайства. Применительно к теме нашего исследования мы будем рассматривать лишь особенности письменного перевода, так как нельзя заменять письменный перевод обвинительного заключения устным переводом в зале суда.

Переводчик в российском уголовном процессе выполняет функцию государственной важности. При осуществлении перевода он ни от кого не зависит. Он помогает устанавливать истину по делу, так как он переводит обвинительное заключение для лиц, не владеющих языком судопроизводства.

Изучение практики органов предварительного расследования Республики Татарстан за 2002-2007 года показало, что во всех случаях следователи, владеющие русским и татарским (реже – удмуртским, чувашским, мордовским, марийским) языками, предоставляют участникам процесса возможность воспользоваться своим родным языком, однако переводчика не приглашают. Это приводит к тому, что одно и то же дело расследуется одновременно на нескольких языках. В подавляющем большинстве выявленных фактов протокол записывался на русском языке, хотя процесс допроса шел на родном для допрашиваемого языке, и лишь незначительное число – на том же языке. В последующем из этих уголовных дел более половины было рассмотрено на русском языке, тогда как судебное разбирательство должно было состояться на татарском или соответствующем языке [2]. Имея такие данные, можно полагать, что эти нарушения были допущены именно вследствие того, что лица, осуществлявшие производство по делу, «оторвали» права этих лиц давать показания на родном языке от своих обязанностей вызвать переводчика.

Обвинительное заключение является следственным документом, и поэтому именно следственные органы в соответствии со ст. 220 УПК РФ должны обеспечить его письменный перевод на родной язык обвиняемого или на другой язык, которым он владеет, если обвиняемый не владеет языком, на котором осуществлялось судопроизводство. Впоследствии этот экземпляр будет вручен прокурором подсудимому. Возникает вопрос, приравнивается ли вручение обвинительного заключения на языке, которым обвиняемый не владеет, к невручению обвинительного заключения? Нам представляется, что является. Ведь итог этих нарушений одинаков. И в том, и в другом случае обвиняемый лишается своего права быть ознакомленным с предъявленным ему обвинением. Нарушение такого

требования влечет возвращение дела судом на дополнительное расследование.

Перевод обвинительного заключения должен быть полным. Никаких исключений по мотиву сложности, большого объема, высокой стоимости перевода не может быть допущено. Не допускается и замена вручения копии устным переводом, а тем более пересказом. Уголовное дело возвращается на дополнительное расследование, если обвиняемому вручаются лишь выписки из обвинительного заключения, переведенные на язык, которым он владеет.

По смыслу ч. 1 ст. 215 УПК РФ обвинительное заключение составляется. Слово «составлен» шире, чем просто «написан». Составленное обвинительное заключение должно содержать ссылки на тома и листы уголовного дела. Для этого необходимо вести уголовное дело на языке, понятном обвиняемому.

Речь идет не просто о переводе уже составленного на русском языке обвинительного заключения на национальный язык. А именно о составлении с самого начала на национальном языке. Ведь в связи с переводом обвинительного заключения на язык, которым владеет обвиняемый, встает одна немаловажная процессуальная проблема. Какой из документов подлинный – составленный на языке, понятно для обвиняемого, или переведенный на русский язык? И какое из этих обвинительных заключений должен утверждать прокурор, не владеющий данным языком. Если он утверждает подлинный вариант, то вправе ли он это делать, не зная содержания документа, не будучи в состоянии его оценить. Если он утверждает экземпляр перевода на русский язык, то это не процессуальный акт, он не составлен следователем и им не подписан – документ удостоверяется только переводчиком. Выходов из данного положения нам видится два.

1. Вслед за обвинительным заключением, составленным на национальном языке, в дело необходимо приобщать его перевод. Прокурор, ознакомившись с переводом, утверждает подлинный вариант на национальном языке, как процессуальный акт. Полагаем, что этот момент должен найти и законодательное урегулирование [7, с. 358-390].

2. Изначальное ведение расследования на двух языках.

Литература:

1. Научно практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ (Постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / Под общей редакцией В.М. Лебедева, В.П. Божьева. – М.: Юрайт-издат, 2007.
2. Архив уголовных дел Зареченского межрайонного отдела следственного управления следственного комитета при Прокуратуре РФ по РТ.
3. Джафаркулиев М.А. Проблемы национального языка в судопроизводстве. – Баку, 1989.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 5-е издание, дополненное. – М., 2003.
6. Электронный толковый словарь dicView версия 1.0.0 Автор Евгений Ю. Сверчков.
7. Амиров К.Ф. Составление обвинительного заключения. – Казань: Мастер Лайн, 2001.

The Stylistic Problems and Language Barrier of Sentence Compiling

“The Russian Language in skillful hands and experienced lips is beautiful, melodious, expressive, flexible, obedient, adroit and capacious”, said A. Kouprin. The paper given below is dedicated to the problems of language used as a weapon against the delinquency. The author’s main concern is the language of the investigation, procedural records, and the verdicts in particular. Reading the verdict we frequently do not think about its stylistic accuracy. In light of the fact that we live on the territory of multinational state, the author focuses attention on the problems of translation of the sentence to the language understandable for the accused.

